

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

ВЪ СЕМЬ ПЬ НЕ БЕЗЪ УРОДА,

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

П. ЦВѢТКОВА.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ

4-го Октября 1854 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЯКОВЪ ѲЕДОСѢИЧЪ СВИЦОВЪ, купецъ.	<i>Г. Дмитревскій.</i>
НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, жена его.	<i>Г-жа Сабурова.</i>
ПЕТРЪ ЯКОВИЧЪ, сынъ ихъ.	<i>Г. Востоковъ.</i>
ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ, прикащикъ Свицова.	<i>Г. Садовскій.</i>
ѲЕДОРЪ ВЛАСЬИЧЪ КВАСНИКОВЪ, купецъ, знакомый Свицова.	<i>Г. П. Степановъ.</i>
АНТОНЪ АНДРЕИЧЪ КОЛИКИНЪ, пріятель Петра Яковлича.	<i>Г. Колосовъ.</i>
МАТВѢВНА, кухарка.	<i>Г. Кавалерова.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Свицова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Петра Яковлича.

I.

ПЕТРЪ ЯКОВЛІЧЪ, въ халатъ, съ трубкою, сидитъ въ креслахъ и зѣваетъ

Фу! голова такъ и трещить! А все отъ этой дряни, отъ шампанскаго; послѣ него всегда бываетъ такъ скверно... Ну, да за то вчера дивно покутили. И цыгане какъ-то особенно пѣли, а ужъ Надя потѣшила! Такія трели выкидывала, что отдай все—мало!.. И глазенки у ней такіе... такъ бы вотъ и.... Да нѣтъ, ну ее! Соничка будетъ почище. Въдь та что? цыганка, простая женщина; а Соня? У! это удивительная дѣвочка! Какъ танцуетъ! каждый разъ вызываютъ; ну, куда же до нея какой-нибудь Надеждъ, которая, кромѣ гитары своей, ни о чемъ понятія не имѣетъ?.. Фу! просто смерть! хуже нежели пьяный; тамъ по-крайней-мѣрѣ ничего этого не чувствуешь, а теперь и голова трещить, и глаза слипаются, и рожа измята, и дрожь какая-то прихватывается... *(Поетъ).* Валька дудочку беретъ, Танькль пльсенку поетъ. *(Говоритъ):* Дивная полька! какъ ловко танцовать подъ нее, а особенно въ новомъ фракѣ славно танцовать.... Да-съ, фракъ у насъ такъ сшитъ, что, подика-съ, и требовать нельзя. Спасибо Шульцу, угодилъ онъ мнѣ этимъ фракомъ. Все говорятъ: Послушай, Петруша, что это у тебя за фракъ? просто чудо!.. А странно! какъ надѣнешь фракъ, такъ совсѣмъ другимъ человекомъ станешь, право. Такое уваженіе отъ всехъ, та-

кое деликатство, всѣ какъ-то глядятъ на тебя иначе, не то что въ сибиркѣ. Надѣнь сибирку хоть во сто цѣлковыхъ, все ужъ будешь мужикъ, неучъ, сиволапъ; всякій тебѣ скажетъ: эй ты, аршинникъ, козель! А во фракъ совсѣмъ другой тонъ, просто на дворянской линіи стоишь; тутъ и знакомство-то какое, всѣ тебѣ руки подають!.. Да, фракъ въ жизни много значитъ!.. Ахъ, вѣдь нынче нужно быть въ театрѣ; Соничка будетъ тапцовать въ ди, вертисементъ... Ахъ, Соничка, Соничка! дѣвочка-то ты хорошая да одно плохо—денегъ много тратишь. Я изъ-за тебя по уши въ долгахъ; то подай, другое подари, то платье бархатное, то серьги, то тамъ чортъ знаетъ что еще, просто разоренье! А какъ отказать? Расплатится, ну и бѣда. Да по скольку просить-то—страхъ! Вотъ вчера прислала записку, что ей нужно на-дняхъ три тысячи цѣлковыхъ! Ну, гдѣ я ей вдругъ столько возьму?.. Просилъ подождать хоть мѣсяць—куда тебѣ, и слышать не хочеть... Вотъ нынче утромъ Антоша еще хотѣлъ побывать у ней; если она не согласится подождать немного, я не знаю, что мнѣ дѣлать.

II.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и КОЛИКИНЪ.

Петръ Яковличъ. Ахъ! Вотъ онъ. А я, Антоша, сейчасъ только думалъ о тебѣ. Ну что, былъ у ней?

Колѣкинъ. Былъ.

Петръ Яковличъ. Ну, что, скажи, голубчикъ, скорѣй, что она говоритъ на счетъ денегъ?

Колѣкинъ. Что говоритъ? Она одно говоритъ: мнѣ нужны деньги до-зарьзу. Я ее просилъ, просилъ, уговаривалъ, уговаривалъ, ничего и слушать не хочеть; твердитъ себѣ одно: неужели такіе пустяки беспокоятъ Петрушу?

Петръ Яковличъ. Пустяки?! Три тысячи цѣлковыхъ для нея пустяки? Ахъ, она... Да что она, одурѣла что ли? Ты что же, Антоша, сказалъ ей на это?

Колѣкинъ. Да что же ей скажешь?

Петръ Яковличъ. Ты бы сказалъ ей, что она дура, совсѣмъ глупая... Прошу покорно—пустяки! Вотъ онъ зазнаются-то какъ скоро! Года два назадъ, у ней было одно только платьишко; жила съ теткой въ какомъ-то подвалѣ; а теперь, по милости мо-

ей, чего-чего нѣтъ у ней, а все мало! Это, чортъ знаетъ, какъ досадно!

Коликинъ. Эхъ, Петруша, ты не понимаешь ничего; что намъ за дѣло, какъ она тамъ жила прежде! Ты возьми въ расчетъ ея талантъ, какъ она танцуетъ, просто—летаетъ! вотъ что!

Петръ Яковличъ. Знаю я ея талантъ, да денегъ-то гдѣ мнѣ взять для нея столько? Ну, самъ посуди, Антоша, гдѣ я возьму вдругъ три тысячи цѣлковыхъ? трачусь, трачусь, а ей все мало... Да вонъ тамъ гусаръ какой-то сталъ еще къ ней подъѣзжать. Что же это такое?

Коликинъ. Гусаръ? Да что тебѣ гусаръ? неужели ты думаешь, что она промѣняетъ тебя на гусара?

Петръ Яковличъ. А чортъ ее знаетъ: можетъ быть и промѣняетъ. Что же мнѣ теперь дѣлать?

Коликинъ. Поѣдемъ опять вмѣстѣ; можетъ быть, вдвоемъ и уговоримъ какъ-нибудь.

Петръ Яковличъ. Да, уговоришь ее, рассказывай мнѣ... Ну, такъ и быть, поѣдемъ еще разъ... Я тебѣ откровенно скажу, Антоша, если она не согласится подождать немного, я знаю что сдѣлаю?

Коликинъ. Нѣтъ, не знаю; а что?

Петръ Яковличъ. Плюну и уѣду! Чортъ съ ней, она не капризничай!

Коликинъ. Ха, ха, ха! Петруша! Ты ли это? Я не узнаю тебя! ха, ха, ха!

Петръ Яковличъ. Что же ты смѣешься?

Коликинъ. Какъ же не смѣяться? Что ты это городишь? Развѣ у тебя сердце-то каменное?

Петръ Яковличъ. Ну, ты пошелъ трунить. Пойдемъ въ кабинетъ, я одѣнусь, и отправимся.

Коликинъ. Ладно, ладно. *(Оба уходятъ)*.

III.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА входитъ. Гостиная въ домѣ Свяцова.

Каковъ анекдотъ! Петруша опять уѣзжаетъ куда-то съ Антономъ Андренчезъ! и опять, чай, до поздней ночи пропадетъ, а я за него должна вотъ браниться съ отцомъ. Онъ вѣдь ничего этого понять не хочетъ, Яковъ-то Федосьичъ; твердитъ одѣ-

но: ты балуешь сына, потакаешь ему, вотъ только у него и разговору; а того не поймешь, что Петруша образованный кавалеръ, что у него знакомство хорошее, что нельзя же ему сидеть въ четырехъ стѣнахъ... Другой бы отецъ радовался, что у него сынъ человекъ съ понятіемъ, съ образованіемъ, а мой только все ворчитъ... А я такъ не нарадуюсь, когда Петруша наденетъ фракъ, закуритъ папироску, да сядетъ въ пролетку, — графчикъ, да и только!.. И со стороны-то любо-дорого посмотреть, а матушкину сердцу-то каково?.. Да, вотъ поди-ка, узнай кто, что Петруша купецъ, что у него отецъ съ бородой, да въ длинномъ сюртукъ ходитъ... Вотъ что значитъ образованіе, понятіе-то!

IV.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ЯКОВЪ ѲЕДОСѢИЧЪ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Что, Кузьмича еще нѣтъ?

Надежда Петровна. Нѣтъ еще, не бывалъ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Что же это значитъ такое? Вотъ другой день, какъ ушелъ со двора, и о-сю-пору нѣтъ! Двадцать слишкомъ годовъ живетъ, а такой оказіи съ нимъ еще не бывало; странное дѣло! Ну куда бы запропасться трезвому человеку? Экая задача!.. А... того... баринъ-то дома?

Надежда Петровна. Какой баринъ?

Яковъ Ѳедосѣичъ. Ну, да кто же у насъ баринъ, по твоему? Разумется, Петръ; дома онъ, или ужъ устрялъ?

Надежда Петровна. Сейчасъ уѣхалъ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. (*махнувъ рукой*). Ну!.. Послушай, мать, что же это будетъ такое?

Надежда Петровна. А что?

Яковъ Ѳедосѣичъ. Да то, что парень свертлся совсѣмъ. Вѣдь это срамъ моей съдой головъ. Дѣла никакого не знаетъ, только вотъ по трактирамъ, да по театрамъ болтается, тѣу!

Надежда Петровна. Да что же тутъ худаго, что онъ по театрамъ ѣздитъ? Всякій образованный кавалеръ ѣздитъ въ театръ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Да, онъ очень образованъ, смотри пожалуй; свистать онъ только умѣетъ, вотъ вся его и образованность.

Надежда Петровна. Должно бы радоваться, что Петруша такъ держитъ себя, ведетъ знакомство съ хорошими господами, а ты вотъ все бранишься, Яковъ Ѳедосѣичъ.

Яковъ Ѳедосъичъ. Ха, ха, ха! Ведеть знакомство съ хорошими господами! Да хорошіе господа и глядѣть-то на него не станутъ; развѣ дурня-то не видно?

Надежда Петровна. Послушай, Яковъ Ѳедосъичъ, мое материнское сердце не вынесетъ этого. Что ты, звѣрь лютей, что ли, въ самомъ дѣлѣ? *(Плачетъ).*

Яковъ Ѳедосъичъ. Что? слезы? Ну, такъ. Ха, ха, ха! Погоди, побереги слезы-то, еще будетъ время поплакать; дай срокъ — утѣшитъ тебя чадочко, еще не такъ заплачешь. Потакай, потакай ему, матушка; дождешься добраго отъ него... Видишь ты, за образованіемъ, за модой пустились. Выросъ малый съ версту и читать-то плохо умѣетъ, а она говоритъ, что онъ чувствуетъ образованіе.

Надежда Петровна. Не понимаешь ты ничего, Яковъ Ѳедосъичъ, вотъ что! Ужъ молчи лучше, коли ничего не видывалъ порядочнаго.

Яковъ Ѳедосъичъ. Послушай, я тебѣ толкомъ говорю: не балуй Петра, не давай ему денегъ. Ты ему скажи, чтобъ онъ бросилъ эту образованную жизнь, не модничалъ бы, а не то, ему худо будетъ, слышишь? Я терплю, терплю, да и лопну. Что это такое? Только и ума у него, какъ бы вырядиться шуткомъ. Онъ думаетъ, что нарядился во фракъ, такъ ужъ и баринъ сталъ. Нѣтъ, это онъ вретъ. На, поди, франтъ какой; пльвать я на него хочу, для того, что пустой онъ человекъ; только деньги мотаетъ. Если онъ будетъ такую образованную жизнь вести, такъ онъ мнѣ не наследникъ, слышишь? Такъ и скажи ему.

Надежда Петровна. Да что, все я скажи; а самъ то что же?

Яковъ Ѳедосъичъ. Да если я съ нимъ стану калякать объ этомъ, такъ разговоръ будетъ крупный... На, поди! образованный баринъ, съ дворянами знакомство ведеть, а въ головѣ-то что? Причесана-то она по модному, а въ ней то что? — Парь, и больше ничего.

V.

ТЪ ЖЕ и КВАСНИКОВЪ.

Квасниковъ. Якову Ѳедосъичу! какъ живете-можете? Надеждѣ Петровнѣ наше почтеніе!

Яковъ Ѳедосъичъ. А, Ѳедоръ Власъичъ, здорово!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Давненько не бывали у насъ, Федоръ Власычъ; али спесивы стали?

КВАСНИКОВЪ. Спесивы? Вона! Да съ какой радости спесь-то въ голову забредеть? Ха, ха, ха! что вы, Надежда Петровна? Нѣтъ, спеси ни чуть не имземъ, а не бываль давно потому, что съ этой ярмаркой маленечко недосужно было.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Экъ онъ, до-сихъ-поръ съ дѣлами еще возится! Я ужъ давно по этому предмету все покончилъ.

КВАСНИКОВЪ. Эвона! Ха, ха, ха! Вотъ онъ что поеть! Еще бы. Да у васъ, Яковъ Федосычъ, кто такое есть Потапъ Кузьмычъ?

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Знамо кто — прикащикъ.

КВАСНИКОВЪ. Прикащикъ! А каковъ этотъ прикащикъ? Да я бы съ такимъ прикащикомъ и ухомъ себя не повель, пальцемъ о палецъ не ударилъ бы; вѣдь знаемъ мы, что такое за звѣрь Потапъ Кузьмычъ. А я вездѣ одинъ, вездѣ самъ; молодцы все дрянъ, то есть, такой народъ, хотъ плюнь.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Агафья Федоровна здорова ли?

КВАСНИКОВЪ. Дочка? Ничего, прыгаетъ-съ; ей что? дѣло дѣвичье, того ли ей требуется?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Чай скучно ей, все одна, да одна.

КВАСНИКОВЪ. Это правда, маленечко бывастъ-съ; дѣло дѣвичье, иной разъ и взгруснется.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. А что, все ли получилъ съ Корнеса?

КВАСНИКОВЪ. Съ Корнева? Да, какъ же, получишь съ него. Ужъ я и не знаю, ей Богу, что это за народъ, — подхалимъ какой-то. Ты думаешь, по крайности, получить съ него половину, а онъ что же? Въместо трехъ тысячъ цѣлковыхъ отвалилъ двѣсти серебромъ!

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Что ты? Да какъ же такъ?

КВАСНИКОВЪ. Такъ, очень просто, далъ двѣсти цѣлковыхъ и шабашъ!

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Ну, Федоръ Власычъ, этакъ торговать — не рука.

КВАСНИКОВЪ. Ха, ха, ха! какая нынче торговля? Таперича, если есть въ рукахъ приличный капиталъ, ну и кончено: брось торговлю и живи припѣваючи; по-крайности спокойствіе всякое имьете. Какая нынче торговля? Ха, ха, ха!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да что это вы все объ одномъ толкуете? торговля, да торговля, дѣла, да дѣла, Какъ это не надоестъ

вамъ? Только у васъ и на умъ-то, что гроши. Уйти отъ васъ, надобло мнѣ слушать счеты ваши (*уходитъ*).

VI.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ НАДЕЖДЫ ПЕТРОВНЫ.

Квасниковъ. Вона! ушла! Что такъ? Гроши надобли мнѣ.

Яковъ Федосъичъ. Э! Чего ты хочешь тутъ? Ты видишь—баба! развѣ онѣ могутъ какою-нибудь обстоятельностью заняться? Ничуть. Имъ бы все о тряпкахъ, объ юбкахъ, да о башмакахъ болтать.

Квасниковъ. Настоящее дѣло, Яковъ Федосъичъ. Вотъ и моя Агаша только и ладить всегда одно: тятенька, купи мнѣ мантель бархатную; тятенька, шляпку надоть, да то, да се; а о другомъ о чемъ, о настоящемъ, али по торговль что, и не спрашивай. Ну, да и то сказать, вѣдь скука дѣвкѣ; сидитъ на тресоляхъ одна одишешенька; ну, оно и правильно, что эти модныя наряды всякіе занимають ее... Ахъ! ужъ еслибъ мнѣ пристроить ее за хорошаго человѣка, то-есть, вотъ какъ перекрестился бы!

Яковъ Федосъичъ. Да что же, али жениховъ въ Москвѣ не стало?

Квасниковъ. Это все такъ, жениховъ много, да все не то; мнѣ хочется это дѣло рѣшить обстоятельнѣе... Послушай, Яковъ Федосъичъ, что я тебѣ скажу!

Яковъ Федосъичъ. Что такое?

Квасниковъ. Таперича вотъ хоть бы мы съ тобой, сколько льтъ знаемъ другъ друга, живемъ въ ладахъ, торговля у насъ настоящая, такъ и того...

Яковъ Федосъичъ. Что жъ?

Квасниковъ. Да то, Яковъ Федосъичъ, человѣкъ-то ты добрющій и имъешь всякую обстоятельность; я, благодаря Бога, тоже имью достатокъ, и, знавши все ваше семейство, Надежду Петровну и Петра Яковлеча, мнѣ очень было бы желательно породниться съ вами; отдалъ бы я мою Агашу за твоего Петра Яковлеча; это было бы самое настоящее дѣло.

Яковъ Федосъичъ. Гм... настоящее дѣло... Ну, Федоръ Власъичъ, я тебѣ скажу, что Богъ знаетъ, будетъ настоящее дѣло, либо нѣтъ.

Квасниковъ. Что же такъ?

Яковъ Федосъичъ. Да ты знаешь моего Петра?

Квасниковъ. Какъ не знать? человекъ онъ хорошій, молодой и все такое.

Яковъ Федосъичъ. Вотъ то-то и худо, что онъ не по лѣтамъ молодъ; гуляетъ много, кутить шибко, обстоятельства въ немъ нѣтъ. Ну, самъ посуди, какой онъ будетъ мужъ, когда въ немъ обстоятельства ни на волосъ нѣтъ?

Квасниковъ. Это ничего, Яковъ Федосъичъ, обстоятельство будетъ, была бы душа.

Яковъ Федосъичъ. Такъ-то такъ, да когда это будетъ? Вѣдь ужъ пора бы, кажется; малому ужъ двадцать шесть стукнуло... Я тебѣ скажу, Федоръ Власъичъ, мнѣ и самому пріятно бы породниться съ тобой; тебя я не первый годъ знаю; Агафья Федоровна барышня хорошая, смиренная, чего бы еще лучше? Да вотъ Петръ-то мой прытокъ больно.

Квасниковъ. Это, Яковъ Федосъичъ, плевое дѣло; я скажу тебѣ на то вотъ что: Петръ Яковличъ, женившись, можетъ все это оставить. Ну, чтожъ такое, что онъ кутить? Молодъ, ну и гуляетъ, это ничего. Вотъ я про себя скажу: какъ холостой-то я былъ, да молодой-то, ужъ такъ гулялъ, что страхъ! Много капиталу у цыганъ въ табарахъ оставилъ. Тятенька тоже бывало сердчалъ. Ха, ха, ха!.. Ну, а какъ женился, да пошли дѣти, куда вся дурь дѣвалась... А на счетъ этого, что Агаша смирна, такъ это точно, то-есть, вотъ какъ: что есть сплій порохъ, и того не тронетъ, воды не замутитъ. О воспитаніи ея тоже нечего заботиться: воспитана она у меня, сами знаете, очень хорошо; воспитаніе такое, что дай Богъ всякому, самое нѣжное: и на фортульянахъ играетъ, и въ кіатръ ѣздитъ; чего еще требовать?

Яковъ Федосъичъ. Все это такъ; да не погодить ли?

Квасниковъ. Да чего же годить-то? чего же еще ждать, Яковъ Федосъичъ? Дѣвка ужъ и то истомилась; самъ посуди, лѣта ея такія, что въ одиночествѣ поневолю скука возьметъ.

Яковъ Федосъичъ. На Петра-то я плохо надѣюсь, вѣтру-то въ голову у него много, вотъ что.

Квасниковъ. На счетъ вѣтру безкончиться нечего, пословица говорить: женится переменится, ну и кончено.

Яковъ Федосъичъ. Охъ, не вѣрится мнѣ что-то!.. А впрочемъ, я тебѣ вотъ что скажу: я согласенъ, только погодимъ это дѣло кончать до красной горки; до-тѣхъ-поръ посмотримъ, что бу-

деть съ Петромъ. Если онъ хуже теперешняго не будетъ, тогда и можно будетъ все это устроить; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ броситъ все, какъ молодая жена подъ бокомъ будетъ.

Квасниковъ. Настоящее дѣло. Такъ по рукамъ что ли, Яковъ Федосычъ.

Яковъ Федосычъ. Я не прочь (*цѣлуются*).

Квасниковъ. Ну, слава Богу... Такъ ты думаешь, что вѣнцы-то оставить до красной горки.

Яковъ Федосычъ. Да, подождемъ.

Квасниковъ. Ну, быть по твоему. А вы между тѣмъ съ Надеждой Петровной и съ Петромъ Яковличемъ соберитесь къ намъ какъ-нибудь; по-крайности, Петръ Яковличъ можетъ покорооче обзнакомиться съ Агашенькой, да и Агашенькъ-то съ молодцомъ поваднѣй будетъ, такъ ли? Ха, ха, ха!

Яковъ Федосычъ. Ладно, забредемъ какъ-нибудь отъ обѣдни.

Квасниковъ. Такъ ужъ я, Яковъ Федосычъ, буду въ надеждѣ.

Яковъ Федосычъ. Когда сказано, такъ чтожь тутъ еще? Вотъ только подождемъ, что будетъ съ Петромъ.

Квасниковъ. Ничего не будетъ; женится—перемѣнится, ну и кончено.

Яковъ Федосычъ. Да ты смотри, Федоръ Власычъ, бабамъ-то объ этомъ ни гугу пока.

Квасниковъ. Понимаю, Яковъ Федосычъ, то-есть, на счетъ секрета?

Яковъ Федосычъ. Да; ты вѣдь знаешь, что это за народъ? со-роки.

Квасниковъ. Ха, ха, ха! какъ есть разболтаютъ... Ну, прощай Яковъ Федосычъ.

Яковъ Федосычъ. Прощай, Федоръ Власычъ. (*Квасниковъ уходитъ*).

VII.

ЯКОВЪ ФЕДОСЫЧЪ одинъ.

Вотъ оно какъ! Самъ съ невестами набиваются. И дѣвка-то славная такая, и капиталъ есть, и родня хорошая, и все, чего-бы лучше? А вотъ мой-то дуракъ все-таки пылъ въ глаза пускаетъ, да деньги мотаетъ... Да, подождемъ, что будетъ; коли хуже не будетъ, коли особенныхъ колѣнъ до красной горки не откинетъ,

ну, тогда можно и порешить все это дело... Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть и впрямь жепится и переменится.

VIII.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ и НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

Надежда Петровна. Яковъ Федосьичъ! Потапъ Кузьмичъ пришелъ!

Яковъ Федосьичъ. Пришелъ! Да гдѣ же онъ?

Надежда Петровна. Въ кухнѣ съ Матвѣвной бранится. Значишь ли, диво какое! Вѣдь онъ хмельной!

Яковъ Федосьичъ. Что-о! что ты городишь?

Надежда Петровна. Что тутъ городить-то? Поди, посмотри, онъ едва на ногахъ держится.

Яковъ Федосьичъ. Да что это ты, мать, опалела что ли? Что ты за чертовщину несешь? Кто хмьлень, говори!

Надежда Петровна. Обидчикъ!.. Ну, что ты зыкаешь-то? что глаза-то вылупилъ! Али не понимаешь? Тебѣ говорю ясно, что Кузьмичъ хмельной пришелъ.

Яковъ Федосьичъ. Ну! Хотя убей, не понимаю!

IX.

ТѢ ЖЕ, МАТВѢВНА и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ пьяный; онъ входитъ и останавливается у двери.

Надежда Петровна. Вотъ онъ самъ, на возьми его.

Яковъ Федосьичъ. Боже мой! Глазамъ не вѣрю!

Потапъ Кузьмичъ (*долго стоитъ молча, ослыдывается на всѣ стороны, потомъ говоритъ*). Як..... Як..... Яковъ Федосьичъ!.. Яковъ Федосьичъ!.. Я пришелъ.

Яковъ Федосьичъ. Господи! Что это такое? Отродясь этого не бывало съ нимъ!

Потапъ Кузьмичъ. Нич..... ничего, Яковъ Федосьичъ... значить я пришелъ... (*Улыбается*). Гмъ... загулялъ, сѣ Богу загулялъ... Над..... Надежда Петровна... поцѣлуй меня!

Надежда Петровна. Чтѣ ты это? Поди ты! Каковъ анекдотъ!

Яковъ Федосьичъ. Пускай его, это ничего.

Потапъ Кузьмичъ (*цѣлуетъ Надежду Петровну*)... Вотъ такъ... Яковъ Федосьичъ!.. И ты, значить, поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ Якова Федосьича*), И тебя, Матвѣвна, дай поцѣлуй. (*Цѣлуетъ*.)

МАТВѢВНА. Поди Кузьмичъ, усни, лучше будетъ.

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ. Ой-ли?.. Ну, пойдѣмъ, Матвѣвна, пойдѣмъ.

МАТВѢВНА. Пойдѣмъ, батюшка, я тебя уложу. Отдохнувши-то тебѣ лучше будетъ.

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ. Яковъ Ѳедосѣичъ! (*показывая на голову*). У меня таперича... того... кранболь... такъ вотъ все и ходитъ... Скверно, и самъ не радъ... безобразіе... что дѣлать? не знаю, какъ все это вышло... Самъ съ собой не совладавъ... Ты Яковъ Ѳедосѣичъ... на все на это... плюнь... да... пойдѣмъ Матвѣвна.

МАТВѢВНА. Пойдѣмъ, Кузьмичъ, пойдѣмъ. (*Потапъ Кузьмичъ и Матвѣвна уходятъ*).

X.

ЯКОВЪ ѲЕДОСѢИЧЪ и НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Ну, Потапъ Кузьмичъ, утѣшилъ, подарилъ!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. И гдѣ это онъ такъ наизволился? Видишь ты, грѣхъ какой!

Яковъ Ѳедосѣичъ. Столько лѣтъ жимиши, можно сказать, почти въ святости, и вдругъ такъ порѣшилъ!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это, Яковъ Ѳедосѣичъ, я такъ думаю, отъ необразованія своего Потапъ Кузьмичъ такъ порѣшилъ; если бы онъ чувствовалъ пристойность, такъ этого не сдѣлалъ бы.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Ну, ты все свое городишь. Потапъ вотъ годовъ двадцать пять живетъ, да только впервые это сдѣлалъ; а вотъ твое образованіе, пристойность-то твоя, Петръ, сплошь да рядомъ такія колына откалываетъ. Вотъ тебѣ и образованіе.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, ты опять Петрушу обижать. Обидчикъ! звѣрь ты лютый, Яковъ Ѳедосѣичъ, а не отецъ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Вотъ что!.. Ха, ха, ха! Звѣрь лютый!... Да что же мнѣ, хвалить что ли прикажешь дурака за его безобразіе?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. У тебя все безобразіе. Чтò же такое, если Петруша прїѣдетъ иногда подгулявши? Вѣдь онъ въ обществѣ бываетъ, нельзя же ему иногда и не выпить немножко. Да если онъ и выпьетъ, такъ уже не дрянн какой, не спухи вашей, а шампанскаго.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Ха, ха, ха! Шампанскаго! Да если онъ пьянъ, такъ все равно, что бы онъ тамъ ни пилъ; хоть съ воды пьянъ, все сверно.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не понимаешь ты ничего.

ТЪ ЖЕ и МАТВѢВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну что, Матвѣвна, уложила что ли его?

МАТВѢВНА. Уложила, хорошохонько уложила.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Что, онъ не шумѣлъ?

МАТВѢВНА. И, нѣтъ; тише воды, ниже травы.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Экая жалость, какъ вдругъ свихнулся! И отъ чего бы, кажись? Причины-то этому всему не вижу. Человѣкъ-то былъ какой!—Золото!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ужъ злые люди не позавидовали ли ему, Яковъ Федосьичъ?

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Богъ вѣсть!

МАТВѢВНА. А что ты, Надежда Петровна? И очень можетъ это быть. Позавидовали его уму-разуму, да доброму житью, вотъ и сдѣлали съ нимъ это недоброе... Да вотъ у меня золовка зятя испортила по зависти; дала ему въ водъ, ну и пошелъ куралесить. А что мудренаго? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Кузьмича-то испортили; вѣдь лѣхимъ людямъ много надобно; пустили по ветру на него, вотъ и поминай, какъ звали.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Что ты тутъ будешь дѣлать?.. Ай Кузьмичъ, Кузьмичъ! Пустилъ ты мнѣ звѣря въ голову!.. *(смотря на часы)*. Эвона! Второй часъ! шутка! А мы еще о-сю-пору не объдали!.. Матвѣвна! Поди, давай намъ объдать!

МАТВѢВНА. Иду, Яковъ Федосьичъ. *(Всѣ уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Свицова.

I.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ, НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ПОГАНЪ КУЗЬМИЧЪ и МАТВѢВНА.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ. Нѣтъ, Кузьмичъ, ты всѣ эти лясы-то оставь и скажи, куда ты деньги дѣваль?

Потапъ Кузьмичъ. Да что же, Яковъ Федосыичъ, я говорю, что и умою не постигаю, какъ все это вышло... Что же мнѣ дѣлать, родные, научите! *(плачетъ)*.

Яковъ Федосыичъ. Ты не хнычь, этимъ не поможешь; отъ слезъ ни мнѣ, ни тебѣ нелегче, самъ знаешь. Шутка ли! — Двадцать пять тысячъ серебромъ! Въдъ это капиталъ!

Потапъ Кузьмичъ. Господи, Господи! Вотъ что вышло! Охъ!.. Что же мнѣ осталось? Руки наложить на себя?

Надежда Петровна. Ахъ!.. Что ты, что ты, Потапъ Кузьмичъ! Какія ты страсти говоришь! Ты вспомни лучше, не забылъ ли гдѣ ихъ?

Матвѣвна. Ты, въ самомъ дѣлѣ, припамятуй, родной, не оставилъ ли гдѣ ихъ?.. Эка притча, эка притча!

Потапъ Кузьмичъ. Да я все помню; какъ теперь смотрю вотъ, какъ положилъ деньги въ конторку, только тотчасъ-то не заперъ, а ужъ вспомнилъ объ этомъ у себя въ комнатѣ, черезъ полчаса, не больше, пошелъ и заперъ. А утромъ встаю, отпираю конторку, денегъ-то ужъ нѣтъ!

Яковъ Федосыичъ. Ну, вотъ видишь, Кузьмичъ: самъ положилъ, самъ заперъ, самъ отперъ, а денегъ нѣтъ; какъ же съ этимъ быть? Въ комнату ночью некому было входить; да хоть бы кто и входилъ, конторка цѣла, заперта? такъ ли?

Потапъ Кузьмичъ. Охъ! Да въ томъ-то и дѣло, что не постигну, какъ случилось!

Яковъ Федосыичъ. А я тебѣ одно скажу: когда бы ты не задумалъ, не сталъ бы итть, такъ этого никогда не случилось бы... Нѣтъ, Кузьмичъ, я не намьренъ дарить тебѣ такихъ денегъ; ты какъ тамъ себя хочешь, а деньги мнѣ сыщи, не то худо будетъ; слышишь!

Потапъ Кузьмичъ. Да гдѣ же я ихъ возьму? Что же, Яковъ Федосыичъ, выходятъ, я укралъ ихъ?

Яковъ Федосыичъ. Я этого ничего не знаю, а ты представь мнѣ двадцать пять тысячъ; получилъ и представь хозяину.

Потапъ Кузьмичъ. Яковъ Федосыичъ! Стало, ужъ ты такъ и полагаешь, что я укралъ эти деньги? а?.. Что же ты молчишь?.. Ну, говори ужъ, что ты, моль, Потапъ, негодяй... воръ... грабитель... Ха, ха, ха! Что же ты молчишь?

Яковъ Федосыичъ. Я тебѣ сказалъ, что ничего этого не знаю; тебѣ лучше знать, куда ты дѣвалъ деньги. Ну, самъ посуди, кто же ихъ взялъ? Сынъ, что ли, мой укралъ? Неужели же мнѣ на

него думать? Опъ, кажись, до этого еще не дошелъ. Да и по-дозрѣвать-то его нельзя, потому, онъ дома не ночевалъ... Нѣтъ, нѣтъ, ты это все оставь, я говорю, и отдай мнѣ деньги, непременно отдай; а коли не такъ, то я тебя подъ судъ упеку; тамъ все это лучше разберутъ, вѣдь ты погибнешь! въ Сибирь потрапишь! Слышишь?

Потапъ Кузьмичъ. Э! что тутъ судъ! (*Махнувъ рукой*). Куда хотите дѣвайте! Ваша воля, я весь вашъ... Ну, чтожъ? ну, въ Сибирь, на каторгу его, стараго пьяницу, плетми его! Онъ, стало, стоитъ того; по дѣломъ-дескать вору, такъ ли? а? Ха, ха, ха!.. Знаю, что передъ судомъ ужъ мнѣ не оправдаться. Когда вотъ и ты, Яковъ Федосѣичъ, хорошо знавши меня, говоришь, что я укралъ у тебя деньги, потому что больше некому ихъ взять, а въ судъ-то разомъ поръшати, я вѣдь это знаю, и оправдываться не стану, потому—нечѣмъ; ну, что я скажу? Скажу, что я въ жизнь свою этого не дѣлалъ, что я, дескать, не такой человекъ! Да этому и куры засмѣются.

Яковъ Федосѣичъ. Вотъ видишь, Кузьмичъ, ты и самъ говоришь, что твоимъ розсказнямъ и куры засмѣются, а какъ же мнѣ-то не смѣяться? Ха, ха, ха!

Потапъ Кузьмичъ. Стой!... Тсъ!.. Пуцай куры смѣются, пуцай всѣ смѣются, а ты не долженъ смѣяться!

Яковъ Федосѣичъ. Это какъ?

Потапъ Кузьмичъ. Какъ?.. Гм... А что, я спрошу тебя, Яковъ Федосѣичъ, много ли годовъ ты меня знаешь?—годовъ двадцать слишкомъ будетъ. Ты значить, всю мою жизнь можешь знать, вотъ какъ, и вдоль и поперекъ. Ну, что же, замѣчалъ ли ты когда во всю мою службу что-нибудь? сколько капитала твоего перебивало у меня въ рукахъ? покривилъ ли я когда-нибудь душой передъ тобою? Алл мнѣ статьи не подходило нажать деньга? Вспомни-ка, года четыре тому будетъ, какъ я на Ирбитской получилъ съ Демьянова малу-толику—сорокъ тысячъ и никакой росписки не далъ ему въ этомъ капиталѣ; чтожъ, я утаплъ эти деньги? А вѣдь могъ бы это сдѣлать; документовъ никакихъ нѣтъ, ну и шабашъ. Да еслибъ я захотѣлъ украсть когда, много случаевъ нашелъ бы... Ахъ, Яковъ Федосѣичъ! Самъ ты знаешь, какъ я каждую твою копѣйку берегъ... Да, послужилъ я тебѣ годовъ двадцать-пять вотъ какъ, по совѣсти, самъ ты все это знаешь, а теперь вотъ ты меня на пенсию хочешь—подъ уголовный судъ, потому, я дескать, двадцать

пять тысяч укралъ; въ Сибирь, дескать, его, туда ему вору и дорога! *(Плачетъ)*. Охъ! охъ! охъ! А кто виновать? Самъ, на старости лѣтъ дурить вздумалъ, лѣшій дернулъ за чарку взяться; вотъ тебѣ и чарка! Охъ! тяжело, родные, вотъ какъ тяжело! Такъ жутко, хоть руки на себя наложить!.. Веди меня, Яковъ Ѳедосъичъ, въ уголовную; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. *(Надежда Петровна и Матвѣевна плачутъ)*. А вы, Надежда Петровна, о чемъ это плачете? И ты Матвѣевна, то же!.. Эвона! О воръ-то? о негодя-то? Да что его жалеть?.. Ха, ха, ха!.. *(Уходитъ)*.

II.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ ПОТАПА КУЗЬМИЧА.

Яковъ Ѳедосъичъ. Вотъ поди ты, какой случай вышелъ! И ума не приложу, что дѣлать! шутка ли! двадцать пять тысячъ! И куда онъ это спровадилъ ихъ? Вотъ, какъ говорится, съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Надежда Петровна. Послушай, Яковъ Ѳедосъичъ, неужели же Кузьмичъ укралъ деньги?

Яковъ Ѳедосъичъ. Да гдѣ же онъ? сами что ли изъ конторки улетѣли?

Надежда Петровна. Мнѣ кажется, что Потапъ Кузьмичъ этого не сдѣлаетъ.

Матвѣевна. Самъ посуди, Яковъ Ѳедосъичъ, доведетъ ли себя Кузьмичъ до такого сраму?.. *(Плачетъ)*. Родные мои! пожалѣйте его! Охъ! горемычный ты мой, Потапъ Кузьмичъ! жаль мнѣ тебя, родной, вотъ какъ!.. Вѣдь я, кажись, всю твою жисть видѣла: тише красной дѣвки жилъ, честнѣе всякаго вель себя, а тутъ вотъ вдругъ что приключилось!

Надежда Петровна. Яковъ Ѳедосъичъ! разбери все это дѣло по резону; право, можетъ быть, Кузьмичъ не виновать.

Яковъ Ѳедосъичъ. Да дуры вы или нѣтъ? Ну, сами разсудите, кому же взять деньги? *(Къ жепъ)*: Ну, ты не брала?

Надежда Петровна. И, что ты! что ты!

Яковъ Ѳедосъичъ *(Матвѣевнѣ)*: Такъ ты что ли взяла?

Матвѣевна. Господи помилуй! Что ты несешь такое?

Яковъ Ѳедосъичъ. Ну, такъ кому же взять ихъ, кроме его самого?.. Нѣтъ, потакать ему за эту штуку не резонъ; я вотъ сейчасъ же его въ полицію, а завтра и бухну прошеніе.

Матвѣвна. О-охъ! Что съ нимъ будетъ! И теперь-то отъ думы отъ одной онъ весь изнылъ, ажно руки поднять хочеть на себя.

Яковъ Федосычъ. А что, въ самомъ дѣль? Онъ, пожалуй, и на это рѣшится.

Надежда Петровна. Что мудренаго? Найдеть вдругъ такая стихія, пырнетъ себя чѣмъ ни попало, ну и кончено!

Яковъ Федосычъ. Пойду еще потолкую съ нимъ; можетъ быть, онъ скажетъ правду; а ужъ коли будетъ въ упорствѣ, тогда не взыщи, самъ виноватъ, логда тотчасъ же въ полицію.

Матвѣвна. Яковъ Федосычъ! не торопись съ судомъ. Человека не долго сгубить, послѣ не воротишь.

Надежда Петровна. Яковъ Федосычъ! Разбери все это хорошенько.

Яковъ Федосычъ. Охъ, глупыя вы, глупыя! Да развѣ вамъ однимъ жаль Потапа? Мнѣ-то каково? кто его больше любитъ? Вы или я. Да деньги-то гдѣ? Вѣдь двадцать пять тысячъ не бездѣлица, на улицѣ не поднимешь... Такая притча, что не придумаешь, что и дѣлать! И Потапа-то жаль, да и денегъ-то кидать не хочется... Вотъ пойду еще поговорю съ нимъ, что будетъ?

Матвѣвна. Да, поди, Яковъ Федосычъ, поговори съ нимъ. *(Яковъ Федосычъ и Матвѣвна уходятъ).*

III.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, одна.

Прошу покорно, какой капризъ выпелъ въ домъ!.. Неужели въ самомъ дѣль, Кузьмичъ воръ? Какъ же это такъ? сколько лѣтъ жилъ у насъ и, бывши при такой честности, вдругъ... Странный анекдотъ!.. А впрочемъ, отъ необразованія всего можно ожидать.

IV.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и КОЛИКИНЪ.

Петръ Яковличъ. Здравствуйте, мамаша *(Надежда Петровна задумалась и не слыжала, какъ они вошли).* Мамаша! Что съ вами?

Надежда Петровна. А! это вы? А я и не слыхала, какъ вы влетѣли...

Коликинъ. Мое почтеніе, Надежда Петровна! Ваше здоровье?

Петръ Яковличъ. О чемъ это вы, мамаша, такъ задумались?

Надежда Петровна. Ахъ, Петруша! Ты вотъ дома-то не живешь, такъ и не знаешь, какая у насъ исторія случилась, просто страсти!

Петръ Яковличъ, (*перелистнувшись съ Коликинымъ*). Что такое? Чай опять Потапъ Кузьмичъ нализался? Такъ это не новость.

Надежда Петровна. Охъ! нѣтъ, не то; знаешь ли ты, что онъ надѣлалъ?

Петръ Яковличъ. Что такое?

Надежда Петровна. Получилъ онъ вчера съ городскихъ деньги, двадцать пять тысячъ серебромъ, пришелъ, положилъ въ конторку, заперъ ихъ, а нынче отпиралъ, а денегъ-то нѣтъ!

Петръ Яковличъ. Какъ нѣтъ?

Надежда Петровна. Да такъ вотъ, нѣтъ.

Петръ Яковличъ. Да конторку-то онъ самъ отперъ? замокъ цѣль?

Надежда Петровна. То-то и непонятно, что замокъ цѣль, а денегъ нѣтъ. Ужъ мы не знаемъ, что и думать.

Петръ Яковличъ. Да что тутъ думать? Натурально— деньги у него; что онъ дурачить что ли вздумалъ всѣхъ!

Надежда Петровна. Да какъ же это? Неужели онъ укралъ ихъ? Вѣдь ты знаешь все прежнее поведеніе его; онъ всегда былъ на чести.

Петръ Яковличъ. На чести! Ну, чтожъ! Былъ честенъ, ничего и не было, а вотъ сталъ сдуру пить, вотъ и пошелъ мошенничать; такъ ли Антоша?

Коликинъ. Разумѣется.

Надежда Петровна. На чтоже ему столько денегъ?

Коликинъ. На что? Мало ли на что? Самому не нужно, такъ подучилъ кто-нибудь, а онъ подъ пьяную руку и согласился.

Петръ Яковличъ. Что же тятенька?

Надежда Петровна. О, такъ вспылнлъ, что страсти! Чего, вѣдь сейчасъ хочетъ въ полицію отправить Потапа! Ужъ мы съ Матвѣвной просили, просили за него, нѣтъ, куда тебѣ!

Петръ Яковличъ. Вотъ! Да вамъ то что за стать просить за него? что вы это? Съ чего вы взяли вору потачку давать? Спустите ему теперь, такъ онъ послѣ еще больше украдетъ.

Надежда Петровна. Да какъ же, Петруша, вѣдь очень жалко

мнѣ его; человекъ-то онъ былъ хорошій, работающій; всю торговлю нашу такъ соблюдалъ... Да и сердце-то мое вотъ чувствуетъ, что его напрасно винять въ этомъ.

Петръ Яковичъ. У васъ все напрасно.

Коленинъ. Помилуйте, Надежда Петровна, возможно ли жалеть такого явнаго мошенника?

V.

ТЪ ЖЕ и МАТВѢВНА.

Матвѣвна (*плачетъ*). Голубчикъ ты мой, Потапъ Кузьмичъ! Что это за судьбина твоя такая! Ой, ой, ой! Родной ты мой!

Надежда Петровна. Что, Матвѣвна?

Матвѣвна. О-охъ! Яковъ Ѳедосъичъ хочетъ его, голубчика, въ полицію вести! Такого сраму онъ отъ вѣку своего не видывалъ!.. Сердечушко ты мое! Служилъ ты Якову Ѳедосъичу вѣрой и правдой, а теперь вотъ врагъ погубилъ тебя, ни за алтынъ пропадешь!

Петръ Яковичъ. Ну, полно ревѣть-то; что онъ тебѣ кумъ, что ли какой, или свать, что ужъ ты такъ о немъ разливаешься?

Матвѣвна. О-охъ! хорошій человекъ онъ былъ, а ни кумъ, ни свать, о хорошемъ человекѣ плачу.

Коленинъ. Э, бабушка, охота тебѣ плакать о мошенникѣ; не кланяться же ему въ ноги за то, что онъ ограбилъ.

Матвѣвна. А ты, баринъ, этого дѣла хорошо не знаешь, такъ не называй его ужъ впрямь мошенникомъ; это дѣло темное; ты вѣдь не видалъ, что онъ укралъ?

Коленинъ. Да это ясно.

Матвѣвна. Вотъ то-то и есть, что ясно, да не очень. Ахъ, Потапъ Кузьмичъ! Ужъ какъ мнѣ тебя жаль, нѣдо сердце-то выболѣло все... Голубчикъ ты мой! пропадешь ты напрасно! (*плачетъ*).

Петръ Яковичъ (*неспокойнымъ голосомъ*). Ну, полно, Матвѣвна, разливаться... Надоела ужъ ты съ этимъ... Ступай тамъ у себя... въ кухню хнычь.

Надежда Петровна. Что это ты, Петруша, какъ будто поблѣднѣлъ? Да и говоришь-то такъ, какъ будто у тебя лихорадка.

Петръ Яковичъ. Нѣтъ... ничего... это такъ что-то...

Надежда Петровна. Какъ такъ? Видишь, какъ поблѣднѣлъ. Ты

не изволь скрыватья, не пренебрегай этимъ; простудился, знать? Вотъ то-то матери не слушаешься; всегда говорю: закутывайся хорошенъко; не послушалъ, вотъ и надуло.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Это, мамаша, ничего.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какое ничего?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я пойду сейчасъ мяты сдѣлаю; напьешься, такъ и пройдетъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Да на что это? Не нужно.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. И не говори ты мнѣ; мнѣ твое здоровье дороже, Богъ знаетъ чего. Матвѣвна! Поди, согрѣй самоваръ скорѣе, а я мяты приготовлю.

МАТВѢВНА. Иду, Надежда Петровна... Потапъ Кузьмичъ! Погубилъ тебя лютый врагъ, съѣлъ тебя лихой человекъ! (*Надежда Петровна и Матвѣвна уходятъ*).

VI.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и **КОЛИКИНЪ.** Петръ Яковличъ садится и задумывается; Колякинъ ходитъ по комнатѣ и что-то напѣваетъ.

Колякинъ. Петруша! (*Петръ Яковличъ молчитъ*). Петруша!

Петръ Яковличъ (*съ досадою*). Да что тебѣ?

Колякинъ. Что ты это нахмурился такъ?

Петръ Яковличъ. Отстань!

Колякинъ. Ого! Да что это ты?

Петръ Яковличъ. Охъ!.. Нѣтъ, Антонъ, какъ ты хочешь, а я... деньги отдамъ назадъ.

Колякинъ. Что?! Что ты за гиль несешь?.. Смотри, братъ: ты, кажется, не на шутку сробѣлъ? Даже при матери не сдержалъ себя, позеленѣлъ и голосъ задрожалъ; что ты, школьникъ, что ли?

Петръ Яковличъ. Охъ! Все это я знаю, да мнѣ Потала-то очень жаль. Ну самъ посуди, за что мы его губимъ? Въдь онъ въ Сибирь угодить!

Колякинъ. Туда ему и дорога! Не пьянствуй на старости лѣтъ; не клади плохо деньги.

Петръ Яковличъ. Нѣтъ, братъ, какъ ты хочешь, а это не дѣло... Меня такъ совѣсть мучаетъ, что страшно даже!

Колякинъ. Что-о? Послушай, Петруша, вѣдь ты дуракъ, чистый дуракъ! Ну, гдѣ же этакъ дѣлаютъ? Ты какого-нибудь пьяницу выручишь, а самъ-то причемъ останешься? Съ тобой-то что будетъ? Что съ тобой отецъ сдѣлаетъ!

Петръ Яковличъ. Пусть что хочеть, то и дѣлаеть, а деньги я отдамъ нойду. Что со мной ни будеть, я по-крайности оправдаю Потапа.

Коликинь. Послушай! Ты вѣдь этимъ хорошаго мало сдѣлаешь, только себя погубишь. Что ужъ тутъ? Теперь поздно, когда дѣло сдѣлано; ты прежде подумалъ бы объ этомъ. Что жъ ты вчера не думалъ о Потанъ?

Петръ Яковличъ. Вчера не думалъ!.. Нѣтъ, я и вчера думалъ, и вчера говорилъ тебѣ объ этомъ; да вѣдь ты такимъ дьяволомъ прикинулся, что совсѣмъ опуталъ, соблазнилъ сильно.

Коликинь. Вотъ ты какой, Петруша; все я же виновать.

Петръ Яковличъ. А то кто же? Разумѣется, ты. Вѣдь ты втянулъ меня въ эту подлость; безъ тебя я и не подумалъ бы объ этомъ.

Коликинь. Послушай! Ты послѣ этого выходишь подлецъ!! Между благородными людьми такъ не дѣлается... Кому нужны были деньги? Тебѣ или мнѣ? Вѣдь ты самъ просилъ меня научить тебя достать денегъ, потому что тебѣ крайность пришла, такъ ли?

Петръ Яковличъ. Такъ-то такъ, да Потапъ-то за что пострадаетъ?

Коликинь. Экой ты болванъ какой! Извини, братъ, Петруша, я тебѣ говорю это любя. Ты все о немъ вздыхаешь, а о себѣ и не подумаешь?

Петръ Яковличъ. Что мнѣ о себѣ-то думать? Мнѣ за одно когда-нибудь расплачиваться съ отцомъ; такъ ужъ лучше теперь; по-крайней-мѣрѣ я Потапа изъ бѣды вытяну.

Коликинь. Послушай, вѣдь эта хандра явилась у тебя, но она въ настоящее время не идетъ къ тебѣ. Ну, что ты за чудакъ? Сама судьба послала намъ столько денегъ, выручила изъ тѣсныхъ обстоятельствъ, и намъ ничего больше не остается, какъ только пользоваться деньгами, жуировать, а ты вздоръ какой-то понесъ, на что это похоже?

Петръ Яковличъ. Отстань! Вздоръ или нѣтъ, а я пойду отдамъ деньги, самъ признаюсь отцу во всемъ. Я говорю, что мнѣ совѣсть не даетъ покоя.

Коликинь. Ну, послушай же! Болванъ ты или нѣтъ? Что же ты со мной-то дѣлаешь? Если ужъ ты себя не жальешь, такъ не компроментируй меня, пожалуйста; вѣдь это будетъ такая пошлость! между товарищами такъ не поступаютъ.

Петръ Яковичъ. Да ты не безпокойся: я на себя все возьму; ты будешь въ сторонѣ.

Коликинъ. Эге! Нѣтъ, братъ, стара штука; ты это теперь такъ говоришь, а какъ отецъ станетъ допрашивать по-своему, такъ ты и меня припутаешь.

Петръ Яковичъ. Да я же тебѣ говорю, что ты будешь въ сторонѣ.

Коликинъ. Не вѣрю я этому... Ну, послушай: положимъ, что ты покаешься, что спасешь Потапа, а что съ тобой-то будетъ? Что за жизнь будетъ тебѣ послѣ этого? Вѣдь тебя отецъ такъ скрутить, что тебѣ веселье на каторгѣ покажется. Знаемъ мы этихъ стариковъ... Въ такія лѣта, при такомъ знакомствѣ, при такихъ средствахъ и ты хочешь что сдѣлать—самъ себя погубить, заживо въ гробъ положить... А Соничка-то? а? Или ты позабылъ про нее? Или ужъ ты не любишь ея глаза? О! Да за эти глаза можно вѣсѣмъ пожертвовать!.. Дурачина, дурачина! Да ты теперь съ такими деньгами такой носъ натянешь этому гусару, который хлопочетъ около нея.

Петръ Яковичъ. А что? Въ-самомъ-дѣль теперь можно будетъ отказъ ему сдѣлать.

Коликинъ. Какъ же! Разумѣется. Ты уже вотъ отвали ей три тысячи цѣлковыхъ, да еще что-нибудь прибавь, такъ она на гусара и смотрѣть не станетъ.

Петръ Яковичъ. Идемъ! кончено! пять тысячъ уже ей дамъ? На вотъ, знай нашихъ! Подика, потягайся кто съ нами!

Коликинъ. Вотъ люблю, вотъ молодець! Ай-да Петруша! Вотъ это благородно; вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ! Ну, дай же поцѣловать тебя за эти вещи.

Петръ Яковичъ (*цѣлуетъ съ Коликинымъ*). Подлецъ ты, Антоша, право подлецъ!

Коликинъ. Ха, ха, ха! Брани, брани меня, какъ тебѣ угодно, я еще тебя за это расцѣлую (*цѣлуетъ его*). Только глупостей-то не дѣлай.

Петръ Яковичъ. Ну, такъ и быть! Видно ужъ тебѣ, Потапъ, на роду такъ написано! Что дѣлать, погнбай!

Коликинъ. Разумѣется, онъ самъ виноватъ... Ну, отправимся Петруша, обѣдать къ Морелю.

Петръ Яковичъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Коликинъ. Только вотъ что: нынче ужъ я тебя угощаю, слышишь?

Петръ Яковличъ. Ладно, ладно: ты, братъ, нынче богатъ сталъ.

Колликиъ. Ха, ха, ха! Да, теперь не дурно; вотъ здѣсь (*показывая на карманъ*), благодаря пьяному Потапу, десять тысячъ цѣлковыхъ; пока будетъ съ насъ. А тамъ, со временемъ, еще какая-нибудь статья подойдетъ. Нужно только пользоваться обстоятельствами, такъ дѣла всегда пойдутъ хорошо. Главное обстоятельство—не плошай. (*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Гостиная въ домъ Свищова.

I.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ одинъ.

Вотъ оно, вотъ житье-то безъ Потапа, что безъ рукъ, все самъ доходи до всего. Вотъ и помощи нѣтъ никакой, вездѣ одинъ поспѣвай; сынокъ и знать ничего не хочетъ, только вѣтренничаетъ... Эхъ, Потапъ! ногубилъ ты себя! И добро бы молодой парень, а то когда ужъ вздумалъ блажить... А я хорошо тогда сдѣлалъ, что не заводилъ дѣла; поди, таскайся по судамъ, хлопочи, а денегъ—то не воротилъ бы; гдѣ ужъ ихъ взять? А хотѣлъ было Потапа въ полицію тащить... Гдѣ-то онъ теперь? Съ-тѣхъ-поръ я и не видалъ его ни разу; говорятъ, шатается по Москвѣ, оборванный такой, руку протягиваетъ, ради Христа просить... Ну, ужъ подлинно, что все это вражье дѣло! (*Идетъ къ двери и видитъ на полу шлану и портсигаръ*). А! это баринны принадлежности, гм!.. Ай да Петръ Яковличъ, удалецъ, нечего сказать! (*Поднимаетъ шлану и портсигаръ*). Это значитъ, что онъ домой-то очень хорошъ воротился. (*Осматриваетъ портсигаръ*). Это его бумажникъ, хорошъ; не его бы рожъ имѣть такой. (*Садится и раскрываетъ портсигаръ*). Ну-ка, посмотримъ, что тутъ есть такое... Ну, только два двугривен-

ныхъ... А это что? Записки какія-то; дай-ка, прочтемъ (*читаетъ*). «Миленькій мой Пьеръ, душка ты моя!» (*Говоритъ*). Ага! Во какъ! Ну, что-то дальше тутъ писано. (*Читаетъ*). «Душка ты моя! Пріѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать, и мы проведемъ съ тобой весь вечеръ вмѣстѣ; я завтра не танцую... Что же ты, душа моя, не былъ вчера въ театрѣ? А я танцевала новую польку и принята была очень хорошо... Не налюбуюсь на твою карету; какъ сяду, такъ и помню тебя; очень покойна и красива. Прощай, моя милка, жду тебя къ себѣ. Твоя павъки, Софья Ахова.» (*Говоритъ*). Вотъ и на поди! Ого! Я досель думалъ, что Петръ-то мой изъ простыхъ: анъ выходитъ теперь, что онъ на линію большихъ баръ себя поставилъ—актерку завелъ и кареты ей покупаетъ!.. Молодецъ! Да онъ, какъ есть, образованный... Только мнѣ чудно то, гдѣ онъ такіе капиталы достаетъ? Шутка ли! На карету надо много денегъ... странно!.. (*Задумывается*). А что, если въ-самомъ-дѣлѣ это его работа? Можетъ быть и вправду Потанъ тутъ ни на волосъ не виноватъ. Охъ! Подумать страшно! Неужели онъ дошелъ до того?!.. А гдѣ взялъ карету? Карету-то на какія деньги купилъ?.. Неужели же мать сдуру его такъ потышила. Да ей-то гдѣ взять за разъ столько денегъ?.. Чудно... я вотъ спрошу у ней, и если она ничего этого не знаетъ, не выдастъ, ну, тогда ты у меня, Петръ, къ отвѣту готовься... (*Развертываетъ другое письмо*). Это что еще? Тоже писулька, надо и эту прочесть. (*Читаетъ*). «Любезный другъ, Петруша! что же ты не навѣстишь меня въ такой болѣзни? Это тебѣ стыдно; мы, кажется, съ тобой пріятели короткіе. Заѣзжай, пожалуйста, ко мнѣ и выручи меня, привези цѣлковыхъ двадцать пять, чѣмъ прсмного обяжешь. Ты, можетъ быть, не вѣршишь, что у меня нѣтъ денегъ, куда, дескать, ты дѣвалъ десять тысячъ серебромъ? Они цѣлы, да только теперь въ домъ-то нѣтъ почти ни копѣйки... Ахъ, Петруша! Не нарадуюсь на тебя и на себя; какую мы штуку дивную отмочили! Какъ дѣлннки славно обдѣлали! Какъ концы-то спрятали! Поди-ко другой кто достань такъ скоро такую сумму; а у насъ сказано—и сдѣлано. Жаль, правда, Потапа Кузьмича, пострадалъ онъ въ этомъ дѣлѣ; ну, да самъ виноватъ, не развѣвай рта»... (*Долго стоитъ въ изумленіи*). Господи помилуй!.. Да... какъ же это?!.. Вѣдь... это не во снѣ?.. Га! Такъ вотъ оно дѣло въ чемъ! Такъ это сынокъ всю эту статью обработалъ!.. Боже мой! Боже мой!.. Да за что же мнѣ-то срамъ та-

кой? За что же Потана такъ зло обидѣли?.. О! отъ этого, того и жди, что съума спяттись!.. Охъ, горько! Ей Богу горько на старости получать такія радости! (*Плачетъ*). Вотъ, одинъ былъ сынъ, одно чадочко, да и тотъ вотъ какъ потышилъ отца подъ старость!.. О! Да я, кажется, разорву его, негоднаго... Ну, Петръ, ты ужь больно хитерь сталъ, выкинулъ такую штуку, что я не знаю, какъ съ тобой за это и раздѣлаться! Ты въ туникъ меня поставилъ!.. Вотъ тебѣ и женихъ, вотъ тебѣ и исправится, вотъ тебѣ и женится-перемѣнится! Онъ еще раньше перемѣнился: изъ пустаго болвана сталъ воромъ!.. Воръ! Ухъ! въ ухахъ трещить отъ этого слова!

II.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЫНЪ и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ, оборванный, исхудалый, входятъ тихо и останавливаются у двери.

Яковъ Ѳедосычъ. (*Увидавъ Потана Кузьмича, всторону*). Потапъ Кузьмичъ!

Потапъ Кузьмичъ. Здравствуй, Яковъ Ѳедосычъ! Ты меня не гони, я пришелъ къ тебѣ съ просьбой: будь отецъ родной, не откажи въ нуждѣ! Вѣршишь ли, дочего дошелъ? (*Сквозь слезы*). Ёсть нечего! Дай хоть четвертачекъ! Выручи! (*Яковъ Ѳедосычъ стоитъ въ замѣшательствѣ*). Яковъ Ѳедосычъ! Что же?.. Али ты на вора Потанку и глядѣть не хочешь? Онъ-де обманываетъ, прихертываетъ, у него, дескать, цѣлы еще краденныя деньги. (*Плачетъ*). Яковъ Ѳедосычъ! я, сй Богу, не воръ! Если бы у меня нечиста была совесть, такъ я къ тебѣ и на глаза не показался бы. Ты вонъ смотри богачъ-то какъ щеголяетъ... Сжалъ-ся, Яковъ Ѳедосычъ!

Яковъ Ѳедосычъ (*сквозь слезы*). Потапъ Кузьмичъ! Подойди сюда!

Потапъ Кузьмичъ. Стало, ты меня не прогонишь?.. Да о чемъ же ты самъ-то плачешь?

Яковъ Ѳедосычъ (*протягивая ему руку*). Здравствуй, любезный Потапъ Кузьмичъ! Здравствуй, другъ!

Потапъ Кузьмичъ. Какъ? Руку?! Ты мнѣ подаешь руку?!

Яковъ Ѳедосычъ. О! Дай разцѣловать тебя! (*Обнимаетъ его*).

Потапъ Кузьмичъ. Что же это такое, Яковъ Ѳедосычъ? Я тутъ ничего не понимаю.

Яковъ Ѳедосыичъ. Потапъ Кузьмичъ! Прости меня, стараго дурака, что я, выжимши изъ ума, осмѣлился поклепать тебя въ воровствѣ, осрамилъ, обезчестилъ тебя!

Потапъ Кузьмичъ. Какъ?.. Стало... деньги нашлись?!.. Скажи скорѣй, Яковъ Ѳедосыичъ! Какъ? Гдѣ?

Яковъ Ѳедосыичъ. А вотъ, прочти-ка это. (*Подаетъ ему письмо Кошкина*) такъ самъ все узнаешь. (*Потапъ Кузьмичъ читаетъ письмо про себя*). Вотъ, полюбуйся-ка на моего молодца. Вотъ онъ подлець что сдѣлалъ! О, срамъ моей съдой головѣ!

Потапъ Кузьмичъ (*прочитавъ письмо*). Глазамъ не вѣрю! Яковъ Ѳедосыичъ! Въ точности ли это письмо къ Петру Яковличу! Не подложное-ли оно какое?

Яковъ Ѳедосыичъ. Какой тутъ подлогъ? Самъ нашелъ у него въ бумажникъ.

Потапъ Кузьмичъ. Въ бумажникъ?!.. Ну, это плохо!.. Ахъ, Петръ Яковличъ, Петръ Яковличъ! Жаль мнѣ тебя!.. Ну, кутилъ ты, гулялъ шибко, это все ничего, потому, молодость любить погулять; а ужъ этого я не ожидалъ отъ тебя! Ужъ если ты принялся за такое художество, такъ ужъ это просто мараль!

Яковъ Ѳедосыичъ. О, зарѣзалъ онъ меня, Потапъ Кузьмичъ! Представь ты мое-то положеніе! Что онъ со мною-то сдѣлалъ? Въдь отецъ мой пятьдесятъ лѣтъ торговалъ въ городѣ и слылъ въ Москвѣ честнѣйшимъ человѣкомъ? Я тоже вотъ ужъ тридцать годовъ торгую, и ни отъ кого, кромѣ уваженія, ничего не видалъ еще; а онъ-то въ кого уродился? Въдь онъ до-нельзя осрамилъ меня!

Потапъ Кузьмичъ. Петръ Яковличъ п меня не пожалѣлъ. Что я то ему сдѣлалъ? За что онъ меня въ такую яму всадилъ-было, погубилъ-было совсемъ?!.. Ну, да Богъ съ нимъ! Я на него теперь не сержусь, потому, я радъ очень, что Богъ оправдалъ меня. О, что я перенесъ въ это время, Яковъ Ѳедосыичъ, такъ это Богу одному извѣстно! Хотѣлъ совсемъ было съ жизнью порѣшиться.

Яковъ Ѳедосыичъ. Я это чувствую, Потапъ Кузьмичъ... Что дѣлать? Такое затмѣніе было, что страхъ!.. Ну, слава Богу, что ты оправдался... А на счетъ Петра я тебѣ вотъ что скажу: я отдаю тебѣ его въ полную власть; что ты прикажешь сдѣлать съ нимъ, то п сдѣлаю, все будетъ по твоему. Велишь на цѣпь посадить его на всю жизнь—на цѣпь посажу; теперь твоя воля

надъ нимъ, потому, онъ такъ зло обидѣлъ тебя, погубилъ—было совсѣмъ.

Потапъ Кузьмичъ. Да что же мнѣ съ нимъ дѣлать? Съчъ что ли? Вѣдь онъ ужъ не ребенокъ, полсрегъ лавки не уляжется.

Яковъ Ведосѣичъ. О! Да за это его подлеца не токмо что съчъ, его изломать мало! Я тебѣ говорю: въ твоей онъ власти, что хочешь, то съ нимъ и дѣлай!

Потапъ Кузьмичъ. Ну, такъ и быть, станемъ судить виноватаго; можетъ быть вдвоемъ-то и придумаемъ ему наказаніе какое-нибудь.

Яковъ Ведосѣичъ. Ахъ, Потапъ Кузьмичъ! Если бы ты зналъ, какъ горько мнѣ на старости лѣтъ такія радости получать! А какъ противъ тебя мнѣ совѣстно...

Потапъ Кузьмичъ. Противъ меня—это ничего; а вотъ такіе гостицы отъ сынка видѣть, ну это не приходится.

Яковъ Ведосѣичъ. Ужъ и не говори! *(Оба уходятъ).*

III.

Комната ПЕТРА ЯКОВЛИЧА.

Петръ Яковличъ. Нѣтъ, ужъ это дудки! Ужъ я вижу, что она меня за носъ водить. Самъ вчера видѣлъ, какъ она вѣхала съ этимъ гусаромъ въ моей каретѣ. Кончено! баста! Чортъ съ ней! Нѣтъ, Софья Андревна, слуга покорный! Будетъ тебѣ дурачить меня. Пускай пропадаютъ мои пять тысячъ, а ужъ я больше знать тебя не хочу. Вотъ нынче отправлюсь къ ней, разругаюсь, какъ нельзя хуже, да и кончено. Пускай она знаетъ съ гусаромъ; посмотримъ, будетъ ли онъ такъ баловать ее, какъ я. Нѣтъ, вѣдь это только нашъ братъ-купецъ сдуру деньги бросаетъ... Да, брошу ее, брошу все, примусь за дѣло, женюсь даже, непременно женюсь. Я слышалъ стороной, что Квасниковъ не прочь бы отдать за меня свою дочь; что же? Она дѣвушка хорошенькая, умная, вотъ на ней и женюсь. Полно! Пора все бросить; опротивѣло все это какъ-то... Вотъ подумаешь такъ съ собой наединѣ... поглядишь, что я за жизнь веду, то такъ сдѣлается скверно, что не глядѣлъ бы на себя!.. И странно! Денегъ тратишь много, стараешься забыться, больше веселишься, а все какъ-то постыло... Рыскаю, рыскаю по Москвѣ, а изъ чего?... А чего мнѣ это стоитъ? Вѣдь я передъ отцомъ и передъ

матерью лгуномъ сталь!.. Всѣ въ домѣ трудятся, всѣ заняты, добываютъ деньги, а я?.. О, выговорить-то подло! Таскаю изъ дому! Скверно, право скверно!.. Бездѣльничая, шатаюсь; здоровья-то сколько истратилъ!.. Нѣтъ, будетъ безпутствовать!

IV.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ, ЯКОВЪ ѲЕДОСѢИЧЪ и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ.

Яковъ Ѳедосѣичъ (подавая сыну шляпу). На вотъ, твоя что ли? (Петръ Яковличъ смотритъ на отца въ смущеніи). Что глядишь? Али отца не узналъ?.. Гм!... И то сказать, видимся-то мы съ тобой больно часто. Бери шляпу—то, коли твоя. (Петръ Яковличъ беретъ шляпу и ставитъ ее на столъ). Ну вотъ, любезный сынокъ, мы къ тебѣ въ гости пришли.

Петръ Яковличъ. Очень радъ, тятенька, пожалуйста-съ.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Очень радъ? Такъ ли полно? Тебѣ, чай, какъ образованному барину, времени нѣтъ, недосужио? Мало ли у тебя заботъ? И къ актеркѣ надобно съездить, и больнаго друга-пріятеля навѣстить.

Петръ Яковличъ. Какого, тятенька, больнаго друга?

Яковъ Ѳедосѣичъ. Что-о? Не знаешь? позабылъ? Ну, да кто у тебя другъ пріятель, съ которымъ ты вмѣстѣ отца ограбилъ?

Петръ Яковличъ. Тятенька!

Яковъ Ѳедосѣичъ. Молчать! (Долго смотритъ на него). А его (показывая на Потана Кузьмича) ты узналъ?

Потапъ Кузьмичъ. Здравствуй, Петръ Яковличъ! Здоровъ ли? какъ живешь-можешь? (Петръ Яковличъ молча кланяется и смотритъ въ замѣшательствѣ то на отца, то на Потана Кузьмича).

Яковъ Ѳедосѣичъ. Да что ты озираешься, какъ полоумный? Али тебѣ дпво, что мы узнали всѣ твои подлости? Ха, ха, ха! (Вынимаетъ письма и подаетъ ихъ сыну). Ну, а вотъ это чья рука, знаешь ли? На, смотри. (Петръ Яковличъ посмотрѣлъ на письма, поблѣднѣлъ и не можетъ ничего выговорить). Чтожъ ты молчишь? Али ужъ душа въ пятки ушла?

Петръ Яковличъ. Тятенька! Винавать! Весь въ вашей власти... Что хотите, то и дѣлайте со мной; всякое наказаніе перенесу. Больше ничего не могу сказать. Э! Что тутъ! По дѣламъ вору и мука!

Яковъ Ведосъичъ. А! вотъ ты теперь что запяль!.. Гм!.. Разумъется, хвалить тебя за это не станемъ, а справимся съ тобой, какъ следуетъ... Ахъ ты мерзавецъ! Что ты это дѣлаешь?! Уморить что ли ты отца-то хочешь? Безпутный ты этакой! Осрамилъ ты мою сѣдую голову! Въ кого это ты уродился?.. Сынъ воръ! Сынъ подлецъ! У!! Подумать страшно! Что же добрые люди-то теперь скажутъ? Такъ вотъ въ чемъ состоитъ все твое образование, вся мода твоя? Это значитъ, ужъ мода, фракъ такъ требуетъ, чтобы отца ограбить?.. За что же ты Потапа-то погубилъ-было? Посмотри-ка ты на него, вѣдь онъ черезъ тебя сталъ такимъ, черезъ твою подлость онъ перенесъ столько!

Петръ Яковличъ. Тятинька! Пощадите!

Яковъ Ведосъичъ. Тссъ!.. Молчать!.. Одинъ ты былъ сынъ, и вотъ какъ утѣшилъ меня на старости лѣтъ! (*Плачетъ*) О, срамъ! Да ты развѣ позабылъ, что самъ у себя воруетъ? Вѣдь это все твое было бы. Что я, въ гробъ что ли возьму деньги? Снялъ ты съ меня голову!

Петръ Яковличъ. Тятинька! Пощадите!

Яковъ Ведосъичъ. Пощадить! Тебя пощадить?! Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, погоди, любезный сыночекъ, я съ тобой справлюсь... Я отдамъ тебя въ полную волю Потапу Кузьмичу, потому, ты больше всѣхъ надѣлалъ ему вреда, ты погубилъ-было этого честнѣйшаго человека. Что онъ велитъ, то и сдѣлаю съ тобой. Ну! въ ноги ему! Весь ты въ цѣлости зависнешь отъ него; а ты, Потапъ Кузьмичъ, его не щади, слышишь!

Петръ Яковличъ (*кланяясь въ ноги Потапу Кузьмичу*). Потапъ Кузьмичъ! Прости меня! Сжался надо мной! О, я теперь только чувствую, какову подлость я сдѣлалъ!

Потапъ Кузьмичъ. Встань, Петръ Яковличъ! Я тебя простить не могу; какъ тятенька прикажетъ, какъ онъ объ этомъ думаетъ.

Петръ Яковличъ. Тятенька! Голубчикъ! Клянусь вамъ, что брошу всю мою безпутную жизнь, за дѣло примусь; мнѣ самому надобно все мое безобразіе. Тятенька! какое хотите наказаніе наложите, все вынесу. Въ дворняки къ вамъ пойду, улицу буду у васъ мести, въ конюшни жить буду. Я чувствую, какъ я виноватъ передъ вами!

Яковъ Ведосъичъ. А! Чувствуешь? А деньги гдѣ? Всѣ спустилъ? Другу пріятелю отдалъ? актеркѣ карету купилъ? Ха, ха, ха! Какъ есть образованный баринъ. Да твоей ли рожѣ такія колѣна откидывать? Ахъ ты дуракъ, дуракъ! Вѣдь она, чай, сядетъ въ

твою карету, да надъ тобой же смѣется... Нѣтъ, любезный, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Ну, что же, Потапъ Кузьмичъ, онъ въ твоей власти, какъ ты думаешь, что съ нимъ дѣлать?

Потапъ Кузьмичъ. Встань, Петръ Яковличъ (*Петръ Яковличъ встаетъ*). Яковъ Федосычъ! Ты говоришь, что Петръ Яковличъ состоитъ въ моей власти, потому, онъ передо мной больше всѣхъ виноватъ; и чѣмъ бы я это дѣло не порынилъ, ты на все согласишься, хотя бы я велѣлъ Петра Яковлича на цѣпь посадить? Скажамши это, ты отъ своихъ словъ не отопрешься, потому, ты не тотъ человекъ, такъ ли?

Яковъ Федосычъ. Да если я что сказалъ, такъ ужъ кончено.

Потапъ Кузьмичъ. Ну и ладно. Конечно, Петръ Яковличъ, затѣявши все это дѣло, не хорошо поступилъ со всѣхъ сторонъ, потому, онъ и себя замаралъ, и тебя на старости лѣтъ такъ обезкуражилъ, да и меня обидѣлъ; все это такъ. А если разберемъ все это хорошенько, такъ выходитъ, что все мы въ этомъ не правы, кромѣ тебя, Яковъ Федосычъ. Петръ Яковличъ до этого дошелъ потому, что дѣломъ не занимался никакимъ, привыкъ тоны задавать, чему помогалъ много пріятель его — этотъ чихирникъ Колпкинъ. Мнѣ кажется, что безъ него онъ не пустился бы на такую штуку. Ну, Надежда Петровна то же не права, потому — потакала сыну, денегъ давала ему много. А не задумай я, не вздумай нѣтъ, такъ деньги были бы цѣлы... А какъ Петръ Яковличъ во всемъ этомъ сознается, то есть, самъ чувствуетъ, какъ это неподходяще, значить онъ не совсѣмъ еще дурной человекъ; вотъ онъ готовъ всякое наказаніе вынести, значить, его еще можно исправить.

Яковъ Федосычъ. Это все такъ, Потапъ Кузьмичъ; все, что ты ни говоришь, все это резонно.

Потапъ Кузьмичъ. Таперича, положимъ, ты отдашь его въ солдаты, проку отъ него тамъ будетъ немного; на цѣпь посадить его?.. отъ этого то же барыша не будетъ. А мой совѣтъ вотъ какой: есть у меня для Петра Яковлича лекарство, которое ему поможетъ; и ты, Яковъ Федосычъ, долженъ на это согласиться.

Яковъ Федосычъ. Потапъ Кузьмичъ! Что ты ни присудишь, все сдѣлаю по твоему.

Потапъ Кузьмичъ. Ну такъ вотъ что: ищи скорѣй Петру Яковличу невѣсту, такъ и дѣло съ концемъ.

Яковъ Федосычъ. Что-о?! Что ты такое говоришь, Потапъ Кузьмичъ?

Потапъ Кузьмичъ. Говорю: ищи сыну невесту; мы его женимъ и кончено.

Яковъ Федосьичъ. Помилуй, Потапъ Кузьмичъ! Ты шутишь что ли?

Потапъ Кузьмичъ. Какіе тутъ шутки! теперь не до нихъ; послѣ пошутимъ.

Яковъ Федосьичъ. Какъ же это такъ?

Потапъ Кузьмичъ. Да такъ; Петръ Яковличъ женившись, забудетъ все свое безобразіе, будетъ заниматься дѣломъ, ну и будетъ хорошимъ человѣкомъ. Это, Яковъ Федосьичъ, я говорю по моему разсудку, а ты какъ хочешь, такъ и поступай съ сыномъ.

Яковъ Федосьичъ (*стоитъ въ раздумьи*). Ищи сыну невесту!.. Гмъ!.. женится, будетъ хорошимъ человѣкомъ... А что, Потапъ Кузьмичъ, вѣдь ты и впрямъ такъ говоришь. (*Сыну*): Эй, ты! франтъ! мода заморская! слышишь, что говоритъ Потапъ Кузьмичъ? Ты можешь все это чувствовать?

Петръ Яковличъ. Тятенька! я этого не стою!

Яковъ Федосьичъ. Охъ! Не такъ было хотѣлъ я поръшнить съ тобой; ну, да знать ужъ такая судьба твоя... Слушай! Вотъ тебѣ невеста—Агаѣя Федоровна, Федора Васильича дочь. Нравится она тебѣ или нѣтъ, а ты долженъ на ней жениться, потому она дѣвушка хорошая, смиренная, и семейство все хорошее.

Петръ Яковличъ. Тятенька! я самъ объ этомъ думалъ. Агаѣя Федоровна барышня хорошая; я готовъ жениться на ней. Тятенька! голубчикъ! за все, что вы для меня дѣлали, послѣ того, какъ я такъ подло поступилъ передъ вами (*плачетъ*): я не знаю, какъ я могу заслужить вамъ! Клянусь вамъ! я теперь никогда ни на шагъ не выйду изъ вашей воли, всякое ваше желаніе, каждое слово ваше буду исполнять въ точности. О прежнемъ моемъ безпутствѣ и помину не будетъ. Во всю мою жизнь не забуду вашей милости.

Яковъ Федосьичъ. А! ты теперь только чувствуешь, каковъ у тебя отецъ? (*Сквозь слезы*). А прежде ты не думалъ о томъ, что отецъ больше всѣхъ тебѣ добра желаетъ! Ну! Богъ съ тобой!.. за все за это кланяйся въ ноги Потапу Кузьмичу.

Петръ Яковличъ. Потапъ Кузьмичъ! теперь только я чувствую, что ты за человѣкъ! Ты спасъ меня! Ты вывелъ меня на путь истинный! Ввѣкъ не забуду тебя! Буду почитать какъ отца роднаго.

Потапъ Кузьмичъ. Ну, слава Богу, что все это дѣло кончилось хорошо. Только послѣ всего этого, если ты, Петръ Яковличъ, опять заберешь прежнюю дурь въ голову, тогда смотри!

Яковъ Федосѣичъ. О! тогда я тебя, Петръ, своей рукой зашибу до смерти; слышишь?

Петръ Яковличъ. Тятенька! Этого ничего больше не будетъ.

Яковъ Федосѣичъ. Тото же; теперь объ этой актеркѣ забудь и думать; а на счетъ твоего друга-пріятеля, этого мерзавца, тоже скажу, чтобъ имъ и не нахло. Будетъ, подурачился, побезобразничалъ, довольно спустилъ капитала.

Потапъ Кузьмичъ. Ну, теперь вотъ что еще я вамъ скажу: обо всемъ этомъ дѣлѣ, кромѣ насъ тронхъ, никто не долженъ знать, такъ ли?

Яковъ Федосѣичъ. Разумвется.

Петръ Кузьмичъ. Оно, значить, умереть съ нами.

Яковъ Федосѣичъ. Это справедливо.

Потапъ Кузьмичъ. А возьмешь ли опять меня къ себѣ, Яковъ Федосѣичъ? Таперича ты можешь, кажись, надѣяться, что я ужь не украду у тебя ничего.

Яковъ Федосѣичъ (*обнимаетъ Потапа Кузьмича*). Потапъ Кузьмичъ! Да ты не человекъ, а ангелъ Божій! О! да я теперь не только всѣ мои дѣла, всѣ капиталы тебѣ новѣрю, а сына тебѣ подѣ опеку отдамъ! Мало того, самъ съ женой къ тебѣ подѣ опеку пойду.

Потапъ Кузьмичъ. Вотъ и спасибо! Вотъ какъ дѣла-то кончили важно! Таперича, Яковъ Федосѣичъ, засылай къ Федору Васильичу сваху, на счетъ Агаѣи Федоровны.

Яковъ Федосѣичъ. Чего тутъ сваху засылать! Онъ самъ просилъ меня объ этомъ; ужь у насъ съ нимъ давно разговоръ былъ.

Потапъ Кузьмичъ. Вотъ и шабашъ! Ну, поздравляю тебя, Яковъ Федосѣичъ съ невестушкой, съ новой родней!

Яковъ Федосѣичъ. Всемъ этимъ мы тебѣ обязаны, Потапъ Кузьмичъ.

Потапъ Кузьмичъ. Поздравляю тебя, Петръ Яковличъ съ невестой! Дай вамъ Богъ советъ да любовь, дѣтей наживать, да насъ не забывать.

Петръ Яковличъ. Потапъ Кузьмичъ! Вѣкъ буду почитать тебя! молиться всегда буду за тебя!

Пстапъ Кузьмичъ. Вотъ оно! А я думалъ, что ужъ я, какъ есть
Потанка, дрянной звѣрь, какъ говорится, никуда негодящаяся
мразь, а вотъ добрые люди еще во весь вѣкъ уважать мнѣ хо-
тятъ. Стало, я таперича такъ понимаю, что и у Потана есть
душа, хоша маленькая, а есть, потому, за худое добрые люди
не стали бы любить.

18190.

9918

